

НЕКОТОРЫЕ КОГЕРЕНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСА

SOME COHERENT FEATURES OF ORAL AND WRITTEN DISCOURSE

**M. Ustova
E. Loova**

Summary: Coherence in linguistics is the integrity of text, which consists in a logico-semantic, grammatical and stylistic correlation and interdependence of its constituent elements (words, sentences). One of the basic concepts of the theory of linguistics, denoting the coherence of the text and providing the internal lexical and grammatical coherence of the text is the interpretation of some elements of the text depends on others. This dependence allows the communicant to realize his communicative goals with the greatest precision and clarity. Coherence means the conceptual and semantic integrity of the text, when using certain linguistic units, forms and discourse markers. Cohesion is secondary to coherence, because it is an internal (structural) coherence, which is formal-grammatical coherence of discourse, while coherence is external and pragmatic interconnection of parts of a sentence or phrase that determine the choice of linguistic means for realizing the author's intention.

Keywords: coherence, cohesion, discourse, marker, semantics, syntax, connector, oral and written speech.

Устова Мадина Александровна

к.филол.н., доцент, Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик
albion767@mail.ru

Лоова Эмира Сафаровна

к.филол.н., доцент, Кабардино-Балкарский ГАУ, г. Нальчик

Аннотация: Когерентность в лингвистике — это целостность текста, заключающаяся в логико-семантической, грамматической и стилистической соотнесенности и взаимозависимости составляющих его элементов (слов, предложений). Одно из основных понятий теории лингвистики, обозначающее связанность текста и обеспечивающее внутреннюю лексико-грамматическую связанность текста, при которой интерпретация одних элементов текста зависит от других. Эта зависимость позволяет коммуниканту реализовать свою коммуникативную цель с наибольшей точностью и ясностью. Когерентность означает понятийно-смысловую целостность текста, при использовании определенных языковых единиц, форм и дискурсных маркеров. Когезия по отношению к когерентности вторична, т.к. это внутренняя (структурная) связанность, являющаяся формально-грамматической связанностью дискурса, в то время как когеренция — это внешняя и прагматическая взаимосвязь частей предложения или фразы, определяющих выбор языковых средств для реализации замысла автора.

Ключевые слова: когерентность, когезия, дискурс, маркер, семантика, синтаксис, коннектор, устная и письменная речь.

Основной задачей данной статьи является определение общих и дифференциальных признаков устной и письменной речи, а также выяснение параметров их различия с точки зрения сформированности когерентных отношений.

Формами выражения коммуникации является письменный и устный язык, которые отличаются друг от друга по разнообразным показателям, таким как:

- нетождественное происхождение;
- структурные отношения;
- канал передачи;
- тип речевой деятельности;

С точки зрения диахронического развития устная речь появилась раньше письменной. Филогенетически и онтогенетически речь возникла примерно 100000-200000 лет до нашей эры (Chrystal 1987:223, Hansen 1998:104), тогда как самое раннее письмо датируется 3500 г. до нашей эры (Ong 1982: 96). Таким образом, первичной предпосылкой социализации человека является речь; письмо — объект сознательного обучения, продукт институционализированного процесса с более консерва-

тивными нормами, чем нормы речи. Приоритетное положение устной речи над письменной, понимается как просто «отражение» речи, вторичным объектом и не имеющим своей собственной ценности, «не язык, а просто способ записывания языка» (Bloomfield 1993:221), характерен для фоноцентрического подхода. В данном случае «язык» соотносится с разговорным языком. С этих позиций, речь понимается как более естественный процесс или даже близкий к действительности, чем письмо, которое считается технологией, с появлением которой усилились визуальные модальности жизни (Sanderson & Macdonald 1989:41). Клод Леви-Стресс связывает принятие письма с потерей «невинности» и часто фоноцентризм ассоциирует с романтизацией дописьменных культур (Levi-Strauss, Tristes Tropiques). Фернанд де Соссюр рассматривал устное слово фундаментом для мышления, а вот технологию письма угрозой человеческой памяти.

Основой графоцентрического подхода является выделение письменного текста как стандарта, и практически до начала двадцатого столетия, обыденная речь игнорировалась лингвистами, а все грамматические пра-

вила основывались на письменных текстах. Такой подход стал основанием для того, чтобы считать печатное слово трансформирующей силой, позволяющей навязывать свои представления на любой уровень сознания.

Основные различия между устным и письменным текстом состоят в том, что первый – изменяющийся, транзиторный, а второй – неизменяющийся, стабильный (Brown & Yule 1985:17). Стаббз рассматривает письменный язык стандартным, формальным, запланированным, отредактированным и неинтерактивным, в то время как разговорный язык – стабильным, личным, типично случайным и интерактивным (Stubbs 1996:74).

Действуя в on-line условиях, разговорный дискурс имеет свои особенности, а отсюда последствия: разговорный текст, будучи продуктом внеплановых вкладов в случайную беседу, происходит «под прессом» реального времени, и указывает на связь, которую нельзя добавить к предыдущему отрывку дискурса. Во-первых, в устном дискурсе говорящий все время должен следить за собой, выстраивая логически свои мысли, и, во-вторых, устный дискурс более беспорядочен, чем письменный текст. Диалог дает возможность для интерактивного развития, которое зависит от хода переговоров, и у собеседников есть возможность влиять на производство текста.

Дискурс письменный – это застывшее, жесткое образование. У пишущего больше времени для планирования и поэтому письменная речь имеет преимущество по длительности, что позволяет ему качественно соединять ее части. Автор письменного текста несет полную ответственность за индексацию того, что будет следовать, и как это будет следовать, и как это будет соотноситься с общей схемой письма.

Устная и письменная речь не похожи друг на друга по двум показателям:

- 1) реализационному модусу («фонетический» код и «графический» код)
- 2) цели дискурса («разговорный» код и «письменный» код) (Söll & Hausmann 1995:19).

Такие пересекающиеся показатели «фонетический/графический» и «разговорный/письменный» создают тексты от прототипического письменного текста, реализуемого в графической форме, до текста с фонетическим кодом. Условия речепроизводства и понимания различны для фонетического и графического кодов, письмо испытывается локативно и синонимически; речь – линейна и темпоральна (Halliday 1985b:83; Danks & End 1988:275).

Однако, разграничение устной и письменной речи, не может быть абсолютным либо построенным только на модусе реализации дискурса, и, соответственно, в

континууме текстов по рангу от научного доклада в академическом журнале до беседы между двумя близкими подругами (Hansen 1999:94).

Судя по прагматической установке, любой дискурс может быть встроен в коммуникативную ситуацию, влияющую на реализацию и способ семантико-синтаксических и прагматических свойств речевого кода. Важным, ключевым понятием, определяющим прагматический контекст сообщения, является понятие коммуникативного расстояния. Разговорный код подразумевает коммуникативную близость, а письменный код – коммуникативную дистанцию.

Сама понятие «коммуникативное расстояние» построено на нижеследующих разграничительных признаках, имеющих экстралингвистическую природу:

- мера публичности коммуникации: возможное наличие публицистики и количество потребителей речи;
- условия и предпосылки для близости между коммуникантами: функция предыдущего взаимодействия, разделенное знание и опыт, степень институционализации настоящего взаимодействия и т.д.
- уровень эмоциональной вовлеченности собеседников, направленный на предмет дискурса и/или других собеседников;
- степень кооперации и спонтанности между собеседниками;
- физическая темпорально-локативная близость/дистантность между коммуникантами;
- референциальная актуальность/дистантность; наличие/отсутствие дискурсивной актуальной речевой ситуации – «я – ты – здесь – теперь»;
- зависимость коммуникативного процесса от ситуативного контекста;
- степень спонтанности и фиксации темы (Koch & Osterreicher 1992:Ch.2).

Эти показатели большей частью градуальный характер, они не жестко фиксированы даже в пределах одного текста и могут динамично развиваться в любом направлении в течение одного речевого события. Существование комплексного взаимодействия между определенным речевым событием и языком этого события не доказывает однозначного их соответствия, при этом, неравнозначен и удельный вес влияния этих параметров и многие из них взаимозависимы. Различные типы конечных дискурсов, создаются общей комбинацией всех этих пунктов, занимающих различные позиции в континуальной иерархии. К примеру, для речевого взаимодействия двух коммуникантов тет-а-тет характерны большая степень близости, эмоционального вовлечения, сотрудничества, зависимости контекста, ситуации и референтов, включенные в речевую ситуацию в момент общения. В соответствие с регуляцией и правилами ведения диа-

лога самими собеседниками в процессе речевого взаимодействия и при этом структура и развитие дискурса управляется локально (Hansen 1998:95). Понятие «локальный» означает маломасштабные связи, которые соединяют воедино куски информации.

В условиях темпоральной и локативной дистантности коммуникантов, которые находятся на другом конце дискурса, и не имеют возможности управлять ходом развития дискурсионного процесса. Он может быть монологическим, монотематическим, абстрактным без указания на коммуникантов или ситуацию речепроизводства. Этот вид дискурса управляется глобально. Широкомасштабные зависимости, позволяющие извлекать выводы из нескольких кусков информации, и называются глобальными связями.

Чем выше степень близости между коммуникантами, тем выше предсказуемость реализации текста в фоническом коде; удаленность действующих субъектов речевого события предвещает максимум графического кода. Такой тип зависимости параметров имеет экстралингвистическую природу и не имеет никакого отношения к лингвистическим аспектам речи. Корреляция между экстралингвистическими условиями дискурса и его лингвистическими качествами очень важна и значима. Лингвистические качества дискурса отождествляют с его лексико-семантическими и синтаксическими свойствами. Сюда можно также отнести такие характеристики, как насыщенность лексических единиц в тексте, количество дискурсных или текстовых маркеров, использование синтаксических параллелизмов и, наконец, наличие/отсутствие определенного порядка и т. п.

С точки зрения Т. Гивона (Givón 1980:220) можно выделить два типа модуса речи:

- 1) синтаксический модус
- 2) прагматический модус.

Типичными чертами синтаксического модуса можно считать:

- а) жесткое подчинение;
- б) быстрота и скорость подачи материала;
- в) субъектно-предикатная структура;
- г) порядок слов, используемый для сигнализации о функциях семантического падежа;
- д) семантически сложные глаголы;
- е) интонационное ударение, не показывающее высокую степень функциональной нагруженности;
- ж) преимущество использования существительных над глаголами;
- з) активное привлечение грамматической морфологии.

В свою очередь Т. Гивон описывает следующие черты прагматического модуса:

- а) свободное, неотягощенное соединение;
- б) медленный темп подачи материала;
- в) структура «топик - коммент»;
- г) баланс употребления 1:1 глаголов и существительных;
- д) семантически простые глаголы;
- е) порядок слов, который управляется прагматическим принципом «старое перед новым»;
- ж) отсутствие грамматической морфологии;
- з) выделение интонационным ударением новой маркированной информации.

Все что Гивон соотносит с прагматическим модусом, отождествляется в природе разговорного, незапланированного, неформального языка. Согласно его теории существует четыре взаимодействующих функциональных параметра, влияющих на использование прагматического модуса: 1) большое количество разделенного прагматического фонового знания или его полное отсутствие; 2) немедленно очевидная тема, задачи и контекст; 3) существенное коммуникативное ударение или его полное отсутствие; 4) вероятность и возможность межличностного мониторинга один - на - один (Givón 1980:226-234). Термин «степень коммуникативного ударения» может быть уравниен с параметром «диалогичность» (Koch & Osterreicher 1990).

Степень близости между коммуникантами сопоставима с общим прагматическим фоновым знанием, немедленно, очевидным контекстом, в то время как тема и задания находятся на одном уровне с ситуативным контекстом, референциальной непосредственностью и физической близостью как степенью кооперативности. Для возможности использования структур и модусов их реализации, т.е. речи или письма диктуется соотношением между коммуникативными условиями и лингвистическим выражением.

Механизм создания и формирования смысла и значения высказывания в широком понимании этого слова служит когерентность. Когерентность охватывает любые лексические единицы, которые выражают семантическую, логическую или текстуальную связь в текстах (Lenk 1998:19-32). И является ментальным феноменом.

Очевидно, что один текст более когерентен, чем другой и это, не внутренне присущее качество письменного или разговорного текста, но ни письменные слова, ни слова в речевом потоке не несут когерентности. Качество, которое появляется в процессе речепроизводства и понимания – ментально представленный текст и, в особенности, ментальные процессы, принимающие участие в конструировании этих ментальных распределений и есть когерентность. Важен вопрос о том, как участники беседы вырабатывают и развивают понимание беседы как когерентной, зависит от различных особенностей языко-

вой продукции (Brown & Yule 1984: Ch.I).

Когерентность текста определяется в той мере, в которой ментальные репрезентации получателя соответствуют ментальным репрезентациям производителя текста. Письменный текст когерентно произведенный позволяет его получателю жестко формировать те же самые текстовые репрезентации, что и производитель текста имел в виду.

Оговаривая общее обоснование для разделенной тематики, референции и топиальной структуры в производстве и понимании любого текста собеседника ведут совместную работу по свертыванию текста, т.е. подводят его к сходным ментальным репрезентациям. В процессе беседы и переговоров происходит коллаборативное общение между двумя активными участниками. По-другому обстоит дело с письменным процессом переговоров и осуществляется когнитивно между ментальными репрезентациями писателя и ментальными представлениями, как он предполагает, знакомы читателю.

Первичным эволюционным макетом для заключения служит конверсация, т.е. спонтанная коммуникация лицом к лицу, которая сформировала когнитивные механизмы производства текста и его понимания. Эти фундаментально интерактивные механизмы просто эксплуатируют неконверсациональный текст. Такая трактовка когеренции подчеркивает on-going усилие говорящих/пишущих достигнуть когеренции со слушающим/читающим.

Таким образом, когеренция возникает не из текста, а из скооперированного действия двух умов. Когеренция фундаментально не принадлежность текста, а разума, который производит и интерпретирует текст, пишет Гивон (Gernbacher & Givón 1995).

Исследуя контраст между управляемым знанием (knowledge-driven) и управляемым грамматическим (grammar-driven) процессами построения когеренции Вольтер Кинг (Gernbacher & Givón 1996) предполагает, что эти процессы взаимодействуют параллельно, манифестируя «сильные» и «слабые» стратегии понимания текста. Также ведут себя писатели, обговаривая когеренции, но оно более трудно, т.к. читатель не доступен в качестве активного участника. Хотя однородность, естественно является прототипической чертой когерентного дискурса, тем не менее, не будет ни необходимым, ни достаточным, ни достаточным условием для создания единой ментальной модели. Принимающая сторона (слушающие/читающие) оперирует стратегиями различного вида, которые используются для формирования гипотезы о значении дискурса, которые направлены сверху-вниз и снизу-вверх. Построенные на знании лингвистического входа, вовлекают в этот про-

цесс анализ и инференции. В свою очередь глобальные ожидания, построенные на гипотезах о теме высказывания с опорой на предыдущий опыт с текстами и ситуацией событий и ситуаций, которые также являются важными факторами.

Большинство исследователей по когерентности обращали свое внимание больше на письменные тексты, оставив в стороне устную речь (Hobbs 1982, 1983, 1985; Hobbs & Agar 1987, Novy 1994, Campbell 1996).

Считая, что когерентные отношения в приложении к письменным текстам, Г. Редекер придерживался мнения, что понятие когерентных отношений неприменимо к разговорному дискурсу, т.к. выражают только качества, присущие тексту и проявляющиеся в результате связи двух отрезков текста (Redeker 1992:7). К примеру, когерентные связи, не зависят от ситуативных обстоятельств, а также от экстралингвистических событий или особенностей актуального производства устного дискурса. Существуют разнообразные аспекты актуального конверсационного поведения, такие как отклонение, от темы, смена темы, вводные предложения и т.д. не дают валидного объяснения когерентным отношениям.

В письменных текстах рассматривался Сандерсом и др. (Sanders et al. 1993:12) вопрос когерентных отношений. Они выделяют 12 классов когерентных отношений:

- 1) следствие-причина;
- 2) контрастивное следствие – контрастивная причина;
- 3) причина-следствие;
- 4) контрастивная причина - контрастивное следствие;
- 5) аргумент-тезис;
- 6) инструмент-цель;
- 7) цель-инструмент;
- 8) следствие – условие;
- 9) исключение;
- 10) контрастный тезис – аргумент, список;
- 11) оппозиция;
- 12) перечисление – уступка.

Как показывают М. Холлидей и др. (Halliday & Hasan 1995), когеренция реализуется при помощи таких когезивных средств, как эллипс, референция, субституция, лексические союзы и когезия. Эти средства поддерживают внутрисемантическую и междусентенциальную когезию. В письменных и устных текстах развивают когезию большое число связующих средств, к которым можно отнести sentential connectives, союзные слова и транзитные выражения, subordinative и coordinative союзы, а также связующие маркеры на уровне фразы. Для перечисленных категорий существуют 6 типов функциональных категорий: результат, контраст, условие, добавление, экземплекация и до-бавление. При этом важно иметь в виду текстовую пози-

цию предложения, придаточного или фразы, вводимых субординаторным коннктором влияет на вид дискурса как письменного, так и устного.

В заключение, следует выявить роль координативного и субординативного синтаксиса в устной и письменной речи. Координативный синтаксис находится на особом положении в системе синтаксических отношений, так как он более свободен в вопросах своего строения по сравнению с гипотаксисом. Интересным, в этой связи, является вопрос существования сложносочиненного предложения. В координативном синтаксисе принято вычленять адверсативные, копулятивные, присоединительные и причинно-следственные отношения в их модельном разнообразии. Такие линейные связи следующих друг за другом частей предложения, могут быть как адекватными, так и неадекватными (уступительные, причинные, адверсативные и т.д.).

На уровне семантических отношений можно рассматривать и координативные отношения, в случае возникновения семантической ассиметрии между компонентами сложносочиненного предложения. В таких случаях первое и главное предложение будет автосемантическим, а второе – синсемантическим, т.е. зависимым от главного, предшествующего в семантическом отношении. Данные синтактико-семантические ассиметрии отражают на интегральном уровне основные координативные отношения и являются незапланированным инобытием.

В частности, в языковом синтаксисе превалируют сильные координативные связи, а в речевом – слабые, т.е. пояснительные и присоединительные связи, которые могут быть проявленными в форме парцеллиро-

ванных отношений, например, разнообразные дополнения, которые делают координативный синтаксис нечетким, нежестким и размытым. С точки зрения психолингвистики, сильный координативный синтаксис жестко определяет порождение последовательности высказываний, т.е. последовательности высказываний, т.е. последующие высказывания, являются аподиктическим энталмированием предыдущего. При слабом координативном синтаксисе последующее высказывание имеет вероятное, более слабое обоснование в семантике предыдущего предложения и является его инференцией.

В этом и другом случае важную роль, на наш взгляд, выполняют дискурсивные маркеры, которые располагаются в препозитивном и постпозитивном положении по отношению к своему следованию. От своего положения они выполняют различные функции, в препозиции – обслуживают сильный координативный синтаксис (научные информативные тексты), в этом случае дискурсивные маркеры функционируют как союзы. А вот в постпозиции они отражают слабый координативный синтаксис (устно-разговорная речь, которая существует в художественной литературе) и тогда эти маркеры употребляются как союзные наречия или частицы.

Итак, синтаксис, формирующийся в письменной речи, где имеет место более или менее строгое выделение следствия из предпосылок можно считать координативным. Синтаксис, который создается в устной разговорной речи и эти отношения строятся свободно и уточнено представляют собой слабый координативный синтаксис. Такие отношения конкретизируются в случаях, где имеют место быть повторы и возвраты сказанного, дополнения и пояснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berger, P. & Th. Luckmann (1967) *The Social Construction of Reality*. Harmondsworth: penguin
2. Bloomfield, L. (1934) *Language*. London: George Allen
3. Brown, G. & G. Yule (1984) *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press
4. Campbell, K.S. (1996) *Coherence, Continuity and Cohesion. Theoretical Foundations for Document Design*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates
5. Chafe, W. (1983) *Integration and Involvement in speaking, writing and oral literature*. In D. Tannen (ed.) 36-58
6. Givón, T. (1980/1985) *Syntax. A Functional Typological Introduction*, vol.1: Amsterdam John Benjamins
7. Halliday, M.A.K. & R. Hasan (1977) *Cohesion in English*. London: Longman
8. Halliday, M.A.K. (1986) *Spoken and Written Language*. Oxford: Oxford University Press.
9. Hansen M.-B.M. (1999). *The Function of Discourse Particles*. Amsterdam: John Benjamins
10. Hobbs, J. & M. Agar (1987). *The Coherence of incoherent discourse*. *Journal of Language and Social Psychology* 4, 214-234
11. Koch, P. & W. Oesterreicher (1991). *Gesprochene Sprache in der Romania: Französisch, Italienisch, Spanisch*. Tübingen: Max Niemeyer
12. Sanders, T. et al. (1993). *Towards a taxonomy of coherent relations*. *Discourse Processes* 15, 3-37

© Устова Мадина Александровна (albion767@mail.ru), Лоова Эсмира Сафаровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»